

досугу, а сложными взаимодействиями между различными *переживаниями времени*» (курсив мой. — Е.З.)⁵⁷.

Советская жизнь — для кого-то часть личного опыта, для других, «постсоветских» — вообще *terra incognita*. В любом случае это повод, наконец, более пристально присмотреться к этому весьма любопытному феномену.

Вместо заключения

В течение двух лет я вела курс «Советская жизнь: пространства, субъекты, практики» для студентов магистратуры Высшей школы экономики. Среди моих слушателей были, условно, «медиевисты» и «новисты», т.е. те, кто занимался периодом до XX в. и даже не российской историей, и будущие специалисты по истории России XX—XXI вв. Во время наших семинаров я отметила интересную закономерность: анализ легче давался «новистам», а с синтезом — конструированием из деталей целого — успешнее справлялись «медиевисты». Дело в том, что «новисты» лучше знакомы с историографией, проработавшей советскую жизнь в деталях, но не предложившей пока стратегии сборки. «Медиевистам» проще, поскольку у них, меньше обременённых «деталью» профессиональной историографии, имела свобода маневра. И тем, и другим помогли близкие люди, поделившиеся опытом жизни в советской реальности. Мы вместе пытались собрать этот конструктор. Что-то из этого, в общем, довольно амбициозного и непредсказуемого проекта получилось, что-то нет.

Данная статья — не анализ историографии и даже не «инструкция по сборке», а всего лишь приглашение к обсуждению, как мне представляется, очень нужной и перспективной проблемы.

⁵⁷ Ловелл С. Досуг в России: «свободное» время и его использование // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 167.

Наталья Лебина

О «постсоветской ностальгии», «тяжёлом хаке» и пейорации прилагательного «советский»

Natalya Lebina (Northwest Branch of Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Saint Petersburg, Russia)

On post-Soviet nostalgia, «heavy hak» and pejoration of adjective «Soviet»

DOI: 10.31857/S086956870006373-1

Статья Е.Ю. Зубковой, носящая, по её словам, импульсивно-провокационный характер, кроме несомненных интеллектуальных достоинств, обладает ещё и качеством, редко встречающимся в учёной среде — эмоциональностью. В ней явно ощущаются тревога и беспокойство, охватывающие академического исследователя в ситуации нарастания так называемой постсоветской ностальгии. Не берусь в научном ключе обсуждать происхождение этого феномена, но как обыватель, «рождённый в СССР», я склонна объяснять вселенскую «тоску по советскому» не столько желаниями вернуть «державу» и «смыслы», сколько бытовым страхом перед проблемой свободного выбора в сфере идеологии, культуры, быта, морали.

Разнообразие и плюрализм оказались серьёзным испытанием для многих. И всё же, размышляя над статьёй, считаю более важным обратить внимание на некоторые пространства, а также формы артикуляции и визуализации «постсоветской ностальгии». Наиболее заметно это проявляется в практиках непрофессиональных дискуссий о «советском» в Интернете и в создании «народных музеев». При этом любительская музеефикация российского прошлого XX в. отличается непродуктивной агрессивностью — как в виртуальности, так и в реальности. Винтажные чашечки, коробочки, флакончики, носочки, тапочки т.д., и т.п., которые, по мнению народных музейщиков, «должны вызвать у людей тёплые воспоминания и положительные эмоции», загораживают глобальные процессы именно социальной истории. Иной путь выбирают музейщики-профессионалы. Пишу об этом с полным правом, так как в начале 2000-х гг. выступила автором идеи выставки «НЭП: образ города и человека» в Государственном музее истории Санкт-Петербурга. В этом проекте удалось соединить традиционные приёмы демонстрации разнообразных предметов и вещей с теоретическими посылами историко-антропологического характера. Временная выставка превратилась в часть постоянной экспозиции. С точки зрения визуализации прошлого, одобрения заслуживает и деятельность Музея советских игровых автоматов, в частности его петербургского филиала. Здесь, наряду с постоянной, «контактной» экспозицией развлекательного характера, всегда присутствуют временные выставки, посвященные разным аспектам «советской жизни».

Зубкова справедливо пишет, что музей — лучшее место для презентации предметного мира прошлого, в том числе и недавнего. Тем не менее без фундаментальных исследований, вскрывающих общие закономерности истории, вещи «не заговарят». Они, конечно, будучи знаками, а иногда и символами прошлого, обладают социальным смыслом. Но вскрыть его возможно, лишь используя оптику общеисторической информации. Для примера возьму музей-квартиру С.М. Кирова. На рабочем столе стоит чернильный прибор из мрамора, украшенный резной скульптурой белого медведя на льдине. На приборе — металлическая накладка с гравировкой. Её содержание свидетельствует о том, что это подарок первому секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) от членов общества землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ). Трудно установить связь между ОЗЕТом и арктическим зверем. Вряд он представлял собой древнееврейский тотем. Но в данном случае важна не сама вещь, а скрытый в ней социальный подтекст. В конце 1920-х гг. стали закрываться объединения учёных, писателей, любителей словесности, русской старины, древних языков. Одновременно при полной поддержке Кирова разворачивали деятельность довольно странные организации, которые трудно отнести к числу добровольных. Это, в частности, ОЗЕТ, в задачи которого входило выселение 100 тыс. евреев из крупных промышленных и культурных центров в Биробиджанский район и, частично, европейское Заполярье — места, мало напоминавшие климатом «землю обетованную». За это, вероятно, члены общества и отблагодарили Кирова настольным белым медведем. Но грустную иронию подарка можно выявить только при сопоставлении «вещественной» (визуальной) и вербальной информации, только при наличии знаний об общегражданских сюжетах прошлого. Зубкова это прекрасно осознаёт.

Одновременно она выделяет основные проблемы, встающие перед учёным, который пытается изучать «советский проект» с позиций социальной истории.

Наиболее важный вопрос — «адекватное название» процессов 1917—1991 гг. В 1990—2000-х гг. корректным для историко-антропологического анализа казалось понятие «повседневность», привнесённое на российскую почву западной, прежде всего немецкой историографией. Я сама неоднократно использовала этот термин и в виде самостоятельно функционирующего существительного, и в форме прилагательного к слову «жизнь»¹. Однако сегодня он уже не отвечает серьёзным исследовательским задачам.

Дело в том, что история повседневности превратилась в агрессивно модную тему — во многом благодаря деятельности издательства «Молодая гвардия», которое в рамках серии «Живая история» тиражирует произведения под однотипными названиями, начинающимися с заклинания «Повседневная жизнь». Авторы произведений о гусарах, французском дворе, литературном Париже, масонах эпохи Просвещения, пиратах, корсарах и т.д. не включаются в серьёзные терминологические споры, идущие в области исторической антропологии. А ведь ещё в 2003 г. М.М. Кром представил научному сообществу небольшое, но ёмкое исследование-анализ дефиниций «повседневности», в котором писал об отсутствии «универсального, на все случаи пригодного понятия “повседневность”»². Такая ситуация позволяет трактовать широко распространившийся термин чрезвычайно многообразно.

Так, например, Л.В. Беловинский, автор энциклопедического словаря истории советской повседневной жизни, полагает, что повседневность это совокупность «форм практической реализации норм и стандартных отношений между людьми», которая «включает труд, быт и отдых, причём быт может быть индивидуальным и общественным»³. При такой «всеядности» к пространству советской повседневности относятся разнообразные рабочие профессии, причём без привязки ко времени их происхождения. Курьёзной выглядит статья «Вздымщик». Это, согласно словарю, «рабочий-сезонник, собирающий летом в хвойных или смешанных лесах, преимущественно северных, живицу — смолистое вещество, которым дерево “залечивает” повреждения». Живица, как известно, используется для изготовления скипидара, канифоли и сургуча. Добывать эту субстанцию начали не при власти Советов и даже не в XX в. Возможно, номенклатурное название профессии «вздымщик» появилось действительно в 1920—1940-х гг. Однако характеризовать это занятие как типологическое явление именно *советской повседневности* вряд ли возможно. Не поможет и подробное описание такого орудия, как «тяжёлый хак — креп-

¹ Лебина Н.Б. Российская повседневность в контексте концепции отклоняющегося поведения // Вестник СПбУЭФ. 1996. № 2; Лебина Н.Б. Политический сыск и российская повседневность // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920—1930-е годы. СПб., 1999; Лебина Н.Б. О пользе игры в бисер. Микроистория как метод изучения советской повседневности // Нормы и ценности повседневной жизни. СПб.; Хельсинки, 2000; Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2006; Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы. Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950—1960-е годы. СПб., 2015; Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии (От военного коммунизма к большому стилю). М., 2015.

² Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности. Сборник научных работ. СПб., 2003. С. 11.

³ Беловинский Л.В. Энциклопедический словарь истории советской повседневности. М., 2015. С. 7.

кий широкий нож с ручкой в виде железного раструба, насаженный на шест». С «хаком» «вздымщик» расхаживал по необъятным лесным просторам России⁴.

В справочно-лингвистическом издании, задуманном Беловинским, должны фигурировать слова-знаки, связанные с явлениями советского времени. Это словообразовательные и семантические советизмы. В качестве примера первых можно назвать «бормотуху» или «хрущёвку», вторых — «волосатика» и «уплотнение». Именно они позволяют представить историческую эпоху как определённую семантико-семиотическую систему. Включение же в словари таких давно существовавших в русском языке слов, как «щековина», «щи», «уха» и др.⁵ ничем не обосновано. Как правило, такая нелепая детализация приводит к тому, что исследователь, предоставляющий, на первый взгляд, огромное количество информации о прошлом, не в состоянии объяснить закономерности исторической действительности. Об этом говорили российские и западные историки ещё в конце 1990-х гг.⁶ Мне представляется, что написание тематических словарных справочников, претендующих на воссоздание картины быденной жизни конкретно-исторической эпохи — задача, которую можно решить лишь совместными усилиями профессионалов: историков и лингвистов.

Чрезмерные подробности усложняют модель прошлого, но одновременно способны превратить явление в частный случай. Так начинается фальсификация истории. Мне кажется, это тревожит и волнует Зубкову. Она стремится к поиску универсальных исследовательских стратегий и считает относительно успешными в этом плане три недавно вышедшие книги⁷. В них используются методики изучения прошлого через синтез практик поколений, производятся наблюдения в жанре микроистории, исследуется городской быт как единство элементов материальной и бытовой культуры на микро- и макроуровнях. Все три метода представляются перспективными для изучения советского проекта в самых разнообразных проявлениях. Однако в обсуждаемой статье стоит вопрос не столько о методиках, сколько о предмете исследования.

В качестве альтернативы термину «повседневность» Зубкова предлагает понятие «советская жизнь». Первичным в данном определении, по-видимому, является существительное «жизнь». Оно явно идеологически нейтрально. Прилагательное «советская» может расцениваться как обозначение хронологических рамок предмета исследования⁸. В противном случае весь конструкт будет выглядеть нарочито политизированным. Лингвисты обратили внимание на развивающуюся в последние три десятилетия пейорацию прилагательного «советский». Его синонимами сегодня являются следующие слова, носящие негативный характер: серпатовый, совдеповский, совковый, прокоммунистический. В связи с этим отправление в самостоятельное «научное плавание» любого понятийного словосочетания, включающего определение «советский», влечёт за собой априорное осуждение исследуемого явления и окрашивание его

⁴ Там же. С. 97, 688.

⁵ Там же. С. 731, 674.

⁶ Подробнее см.: Методологические проблемы исторической информатики и количественной истории // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 87—106.

⁷ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014; Слёзкин Ю.Л. Дом правительства. Сага о русской революции. М., 2019; Лебина Н.Б. Пассажиры колбасного поезда. М., 2019.

⁸ Именно в этом смысле я использовала слово «советский» в названиях своих книг и статей.

в монохромные тона. Не думаю, что Зубкова преследует эту цель при изучении социального контекста российского прошлого XX в.

Как ни странно, но более нейтральным в данном случае является термин «советскость», с помощью которого можно выделить особые характеристики развития экономики, политики, культуры и быта в 1917—1991 гг. Причём это не только сочетание коридора возможностей и рамок ограничений, как полагает Ю.С. Пивоваров. В любом обществе существуют конкретные стратегии выживания и приспособления. В российской же действительности 1917—1991 гг. они существовали в жёстких контурах, обусловленных спецификой конкретно-исторического момента, политической направленностью властных инициатив, уровнем развития товарно-денежных отношений, господствующей формой собственности на средства производства, степенью распространения политических свобод, иерархией социальных отношений. Оценка градуса «советскости» жизни в России и СССР — аномалии, которая не существует вне дихотомической связи с нормой, — позволит ответить на вопрос о модерности общества, созданного в 1917 г. и формально исчезнувшего в 1991 г.

Кроме того, можно будет уточнить и хронологические рамки «советской жизни» как нового исследовательского конструкта. Ведь и сама Зубкова не до конца сформулировала свою позицию. А ведь известно, что периодизация — универсальный способ моделирования исторического процесса. И здесь есть о чём подумать. Вряд ли можно назвать весь сталинский период жизни в СССР, с 1929 по 1953 г., «чрезвычайным». В середине 1930-х гг. в культуре и быту сформировался «большой стиль». Жизненные каноны, пропагандируемые властью, приобрели отпечаток буржуазности с присущей ей тягой к показной роскоши. Активно внедрялись в сознание населения почти клерикальные представления о нравственности и свободе личности. Это явно не соответствовало ни социалистическим, ни общим модернизационным идеям. Значительно более прогрессивно-демократическими выглядят многие начинания власти, реализованные в 1920-х гг. (легализация гражданского брака и разводов, разрешение аборт, прекращение преследования гомосексуалистов и т.д.). В данном контексте раннебольшевистская культура оказалась даже более модернизированной, нежели западная.

Конечно, период нэпа нельзя расценивать как время существования полностью «советского государства», основанного на отрицании частной собственности и плюрализма в политике, культуре, быту. Однако правовая основа секуляризации и демократизации частной сферы заложена в 1918—1920 гг., до введения нэпа. Замечу, что и в 1950-х гг., до XX съезда КПСС, определившего вектор политического развития страны, появились судьбоносные нормативные решения, касавшиеся личной жизни граждан⁹. Эти факты необходимо учитывать при попытках периодизации и «советскости», и «советской жизни». Кроме того, и общегражданская периодизация истории советского общества нуждается в корректировке при её «приложении» к социально-антропологическим процессам. Очевидно и другое обстоятельство: обоснование временных рамок

⁹ См.: Указ Президиума Верховного совета РСФСР от 24 октября 1953 г. об отмене запрета на браки советских граждан с иностранцами; апрельское 1954 г. постановление Совета министров РСФСР о возвращении к системе совместного обучения мальчиков и девочек в средних школах; ноябрьский 1955 г. Указ Президиума Верховного совета СССР об отмене запретов на аборты по собственному желанию женщин.

существования и развития обоих обозначенных выше явлений возможно лишь при обозначении их системообразующих признаков.

При этом я поддерживаю стремление Зубковой с помощью термина «советская жизнь» упорядочить объём неструктурированной информации о большевистско-коммунистическом периоде истории. Ведь псевдознаниями по этому вопросу полнятся Интернет, любительские реальные и виртуальные музейные экспозиции, печатные издания публицистического толка, авторы которых не обладают должным уровнем профессиональной подготовки. Антагонистами последнего вида «источников достоверных сведений» могут стать научно-популярные книги, написанные ведущими специалистами-историками. Удачный пример такого текста — сочинение о Торгсине, недавно опубликованное в серии «Что такое Россия?»¹⁰. Это пока единственная книга о «советском» в новом проекте НЛО, но я надеюсь на активное участие в нём именно академических учёных, специализирующихся в области истории России 1917—1991 гг.

Конечно, любая, даже достаточно сбалансированная модель прошлого представит его в виде схемы. Ведь ограничение и упрощение — неизбежные спутники процесса концептуализации. Думаю, это свойственно и конструкту «советская жизнь». Но понять, универсален он или нет, можно после постановки эксперимента — проведения конкретно-исторического исследования с его использованием. Одновременно высоко ценимая мною эмоциональность статьи Зубковой провоцирует на откровенность. В случае выбора темы для большого проекта, связанного с проблемой нового взгляда на историю России 1917—1991 гг., я бы предложила два варианта: «Частная жизнь в России и СССР: феномен советскости. 1917—1991 гг.» или «Советскость: социально-антропологический контекст. Россия—СССР. 1917—1991 гг.».

¹⁰ Осокина Е.А. Алхимия советской индустриализации. Время Торгсина. М., 2019.

Мария Зезина

Некоторые вопросы исторической реконструкции советской жизни

Maria Zezina (Moscow, Russia)

Historical reconstruction of Soviet life: some issues

DOI: 10.31857/S086956870006374-2

Вопросы, поднятые в статье Е.Ю. Зубковой, чрезвычайно важны и своевременны. Исследование феномена советского — задача, актуальная как в научном, так и в социальном плане. Предлагая в качестве предмета исторической реконструкции интегральную модель «советская жизнь», автор скорее ставит вопросы и провоцирует новые, нежели предлагает ответы на них. Не претендуя на готовые решения, последую этому примеру.

Стартовая площадка. Намечая путь дальнейшего движения в постижении советского прошлого, прежде всего надо осмотреться, понять, где мы находимся и что сделано. За почти три десятилетия произошла смена поколений. Сегодняшние 40-летние могут поделиться только детскими воспоминаниями советской жизни, а для тех, кто младше, это и вовсе история за пределами их личного опыта. Уходят очевидцы, исчезает среда памяти, подходит к концу